
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94(47)«10/16»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЛЕДИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

С. Н. ТЕМУШЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с трансформацией древнерусского наследия в общественно-политической жизни Великого княжества Литовского, а также выявлением отличий в социальной и политической сферах ВКЛ и соседних государств, определением форм и путей заимствования элементов, механизмов и традиций организации государственного управления ВКЛ из Московского великого княжества и Королевства Польского. Отмечается, что принципиальное значение имеет указание на решающую роль именно древнерусского наследия в сфере организации власти и управления в ВКЛ, которое со временем подверглось трансформации вследствие влияния особенностей внутривнутриполитической ситуации и внешнего воздействия.

Ключевые слова: Древняя Русь; Московское великое княжество; Российское государство; Великое княжество Литовское; государственное управление; верховная власть; государственные институты; традиция; трансформация.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта «Пограничье Руси и Литвы в исторических трансформациях XI–XVI вв.» (договор № Г24-011).

Образец цитирования:

Темушев С.Н. Трансформация древнерусского наследия в сфере государственной власти и управления в Великом княжестве Литовском. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2025;4:5–14. EDN: PKFAES

For citation:

Tsemushau SN. Transformation of the Old Russian heritage in the sphere of state authority and administration in the Grand Duchy of Lithuania. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2025;4:5–14. Russian. EDN: PKFAES

Автор:

Степан Николаевич Темушев – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета.

Author:

Stsiapan N. Tsemushau, doctor of science (history), full professor; head of the department of Belarus history of the ancient time and the Middle Ages, faculty of history. stepnikbsu@gmail.com

ТРАНСФАРМАЦЫЯ СТАРАЖЫТНАРУСКАЙ СПАДЧЫНЫ Ў СФЕРЫ ДЗЯРЖАЎНАЙ УЛАДЫ І КІРАВАННЯ Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ

С. М. ЦЕМУШАЎ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разглядаюцца праблемы, звязаныя з трансфармацыяй старажытнарускай спадчыны ў грамадска-палітычным жыцці Вялікага Княства Літоўскага, а таксама выяўленнем адрозненняў у сацыяльнай і палітычнай сферах ВКЛ і суседніх дзяржаў, вызначэннем формаў і шляхоў запазычання элементаў, механізмаў і традыцый арганізацыі дзяржаўнага кіравання ВКЛ з Маскоўскага вялікага княства і Каралеўства Польскага. Адзначаецца, што прынцыповае значэнне мае ўказанне на вырашальную ролю менавіта старажытнарускай спадчыны ў сферы арганізацыі ўлады і кіравання ў ВКЛ, якое з часам падверглася трансфармацыі з прычыны ўплыву асаблівасцяў унутрыпалітычнай сітуацыі і знешняга ўздзеяння.

Ключавыя словы: Старажытная Русь; Маскоўскае вялікае княства; Расійская дзяржава; Вялікае Княства Літоўскае; дзяржаўнае кіраванне; вярхоўная ўлада; дзяржаўныя інстытуты; традыцыя; трансфармацыя.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў у рамках навуковага праекта «Памежжа Русі і Літвы ў гістарычных трансфармацыях XI–XVI стст.» (дагавор № Г24-011).

TRANSFORMATION OF THE OLD RUSSIAN HERITAGE IN THE SPHERE OF STATE AUTHORITY AND ADMINISTRATION IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

S. N. TSEMUSHAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article examines issues related to the transformation of the Old Russian heritage in the socio-political life of the Grand Duchy of Lithuania, identifying differences in the social and political spheres of the Grand Duchy of Lithuania and neighbouring states, and determining the forms and methods of borrowing elements, mechanisms, and traditions of public administration in the Grand Duchy of Lithuania from the Grand Duchy of Moscow and the Kingdom of Poland. It is noted that it is of fundamental importance to point out the decisive role of the Old Russian heritage in the sphere of organising power and governance in the Grand Duchy of Lithuania, which over time underwent a transformation due to the influence of the peculiarities of the internal political situation and external influences.

Keywords: Ancient Rus'; Grand Duchy of Moscow; Russian state; Grand Duchy of Lithuania; public administration; supreme power; state institutions; tradition; transformation.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research within the framework of scientific project «The borderland of Rus' and Lithuania in historical transformations of the 11th–16th centuries» (contract No. G24-011).

Ключевое значение в организации государственного управления и власти в Великом княжестве Литовском имели традиции древнерусской эпохи [1], что находило выражение в преемственности функций и полномочий монарха, обозначении должностных лиц древнерусскими терминами, осуществлении судопроизводства в соответствии с процедурой и правовыми нормами Русской Правды, традиционном устройстве местного управления [2, с. 116–122]. В позднем Средневековье не претерпела существенных трансформаций и церковная организация, сформировавшаяся в домонгольский (долитовский) период на территории Восточной Ев-

ропы [3, с. 226–233]. Принципиально не изменилось в рамках нового государства – Великого княжества Литовского и Русского – административно-территориальное деление, основанное на двух уровнях – уровне княжеств-земель и уровне княжеств-волостей [4, с. 130–146; 5]. Былых «удельных» князей в ВКЛ сменили великокняжеские наместники, которые осуществляли власть, окружив себя значительным штатом помощников (прежде всего, тиунами). По сути же организация власти и управления на местах не изменилась. К «старине» восходили и доходы, получаемые наместниками-державцами [6, с. 6–7]. Весьма важны выводы историков о преемственности

самого характера власти: «Не только структура местного управления земель и волостей Литовского княжества повторяла древнерусскую и соответствовала русской в других областях Древнерусского государства, но и содержание власти каждого из представителей этой власти было сходным с общерусским» [2, с. 119]. Не вызывает сомнений сохранение на протяжении длительного времени традиций самоуправления, без сомнений восходящего еще к родоплеменной эпохе. Отдельные общины и их группы в рамках волостей продолжали управляться выборными старостами, старцами [7, с. 131–162]. Весьма показательно также и сохранявшееся городское самоуправление [8].

Между тем к концу Средневековья в ВКЛ обнаруживаются серьезные отличия в общем характере взаимоотношений монарха и подвластного населения, в механизме претворения в жизнь решений верховной власти, государственных органах всех уровней, осуществлявших непосредственное управление страной, от аналогичных явлений в другом новом государстве, образованном на древнерусской почве, – Российском государстве. Нельзя сводить проявившиеся отличия только к прямому воздействию на регион Северо-Восточной Руси традиций организации власти и управления, характерных для «восточной деспотии»¹. Безусловно, влияние Золотой Орды было весьма существенным, несложно найти и прямые заимствования (например, в организации почтового сообщения – ямов) [9, с. 202–204; 10, с. 69]. Однако причины расхождений необходимо искать и в особенностях этнополитической, религиозно-культурной и других ситуации в самом ВКЛ.

Цель представленной статьи заключается в раскрытии форм и путей заимствования элементов, механизмов и традиций организации государственного управления ВКЛ из Московского великого княжества и Королевства Польского. В рамках общей цели решаются следующие задачи:

1) выявить отличия в социальной и политической сферах ВКЛ и соседних государств (прежде всего, Московского великого княжества (России)), в чем в то же время необходимо видеть трансформации по отношению к древнерусской эпохе – времени включения всех восточнославянских земель в единое этнополитическое пространство;

2) определить пути и содержание возможных заимствований политических институтов, механизмов и практик организации управления в ВКЛ из Московского великого княжества (Российского государства);

3) выявить пути и формы заимствования элементов, механизмов и традиций организации государственного управления в ВКЛ из Королевства Польского;

4) определить условия, обстоятельства, конкретные акты государственной власти, приведшие к транс-

формации традиционных институтов и способов организации управления в ВКЛ.

Актуальность осуществленного исследования обусловлена переосмыслением на современном этапе истоков формирования и эволюции белорусской государственности, в связи с чем значительное внимание уделяется особенностям функционирования исторических форм государственности, существовавших на белорусских землях с эпохи Средневековья. В становлении белорусской государственности приоритетное значение следует отвести древнерусским традициям организации власти и управления, которые на белорусских землях были оформлены в рамках первых государственных образований – Древней Руси, Полоцкого княжества и др. Новизна осуществленных наблюдений и сделанных выводов заключается в ракурсе рассмотрения особенностей организации власти и управления в ВКЛ, непосредственно связываемых с сохранением и трансформацией в силу обозначенных обстоятельств древнерусского наследия. Большое значение придается внешним факторам – заимствованию политических институтов, механизмов, форм организации управления и др., что было обусловлено отсутствием у этнической литовской элиты собственных представлений об эффективной организации управления подвластным населением и в целом развитых традиций функционирования всех отраслей государственного аппарата.

Одно из наиболее существенных обстоятельств, под воздействием которого оказалась политическая сфера ВКЛ, связано с новой этнополитической ситуацией, сложившейся в Восточной Европе в результате монгольского нашествия и последующего образования крупнейших государств региона – ВКЛ и Московского великого княжества (с конца XV в. – России) [11, с. 27–30; 12, с. 195–208]. Так, в составе России объединялись княжества, когда-то составлявшие одно государство, где правили родственники – члены одной династии. Русские великие княжества образовались в результате распада Древнерусского государства, у этих земель существовали прочные исторические связи, общие корни, и даже в состоянии политической раздробленности их питали единые традиции. Много сходств было и в структуре правящего класса этих княжеств, и в формах управления [13, с. 56]. В ВКЛ же в границах одного государства жили разные народы со своими политическими и культурными традициями, на престолах удельных княжеств и отдельных земель сидели князья двух династий, существовали две церкви и несколько вероисповеданий. Очевидно, что великим князьям литовским нужно было быть гибче в своей внутренней политике, искать опору в определенной среде. Управление землями с разным уровнем политического и культурного развития требовало

¹Омельченко Н. А. История государственного управления в России : учебник. М. : Проспект, 2005. С. 125–127.

от литовских государей проведения осторожной политики, которая очень скоро привела к юридическому оформлению отношений между различными структурами общества.

В Российском государстве, как доказано в исследованиях советских специалистов С. Б. Веселовского и А. А. Зимина, «аппарат княжеской власти основывался на личных отношениях князя к своим слугам» [14, с. 474]; идея долга перед страной развилась позднее. Длительность службы членов одной семьи династии, ставшая основой местничества, повлияла на формирование органов центрального управления страной, военную и судебную деятельность в России. В ВКЛ же при сходном способе создания центральных органов управления гораздо большее значение имели должности в местном управлении. Раздавая такие должности своим не всегда знатным сторонникам, великий князь не только сохранял контроль за жизнью в различных регионах, но и создавал условия для продвижения по служебной лестнице представителей различных сословий [15, с. 64–71].

Деятельность административного аппарата России и ВКЛ в XVI в. свидетельствует о возникновении и развитии различных тенденций в политическом строе обоих государств. В России все большую роль стали играть центральные органы власти: хотя в центре выделялись различные учреждения и лица, имеющие самостоятельные обязанности, на местах не встречались реальные исполнители, благодаря которым центральные органы могли бы функционировать. Вся переписка из Москвы велась с назначаемыми на определенный срок наместниками, воеводами, их аппаратом. Именно они в своих регионах выполняли распоряжения разрастающихся центральных учреждений – приказов. В ВКЛ, наоборот, на местах появилась разветвленная структура должностных лиц, строго функциональная деятельность которых осуществлялась под руководством и наблюдением великокняжеской канцелярии. В ВКЛ не появились центральные органы исполнительной власти, а роль чиновников канцелярии – писарей – в политической жизни общества была более активной, чем дьяков в России XVI в. [16, с. 29].

Есть все основания предполагать, что изначально исключительно совещательные органы при монархе – Дума в России и Рада в ВКЛ – имели общее происхождение: они выросли из княжеского совета, а затем со временем преобразовались в верховный орган власти [17, с. 66]. Со второй половины XVI в. Дума в России создает вокруг себя приказы – высшие органы исполнительной власти, во главе которых стояли бояре и думные дьяки. В то же время законодательные функции Думы так и не получили развития; позже появилась формула: «Царь указал, а бояре приговорили». По сути Дума и связанная с ней при-

казная система являлась исполнительным органом власти. Рада ВКЛ была более независима от власти великого князя, особенно когда он на долгое время переезжал в Польшу, чтобы исполнять там функции верховного правителя. Свою власть Рада осуществляла через канцелярию; в ВКЛ так и не появились другие центральные органы власти. Но поскольку Рада формировалась по принципу распределения должностей, а не представителей определенных семей, как в России, в нее входили лица, занимавшие высшие управленческие должности на местах, и через них Рада контролировала ситуацию в регионах. Этот орган власти сохранял определенную независимость от великого князя, а тот, передав какую-то должность от одной семьи другой, мог изменять состав Рады ВКЛ [16, с. 73].

Как отмечалось, должности в Раде ВКЛ были связаны с управлением отдельными территориями, и вся структура административного аппарата в ВКЛ развивалась для расширения функций местных органов [15, с. 765]. В России же со второй половины XVI в. окончательно формируется и разрастается приказная система, приводившая к централизованному управлению из столицы отдельными отраслями деятельности (строительство укреплений, выдача поместий и жалования, сбор податей, строительство и ремонт дорог и др.). Во главе приказов стояли члены Боярской Думы, которая со временем обросла собственным аппаратом (дьяки, подьячие и др.)².

Необходимо учитывать одну из важнейших особенностей политической жизни России – то обстоятельство, что при объединении русских княжеств вокруг Москвы и укреплении своей власти в едином Российском государстве московский великий князь нуждался в поддержке церкви, в то же время православная церковь в целях сохранения своего влияния на всех восточнославянских («русских») землях нуждалась в сильной великокняжеской власти [16, с. 39]. Совершенно иная ситуация сложилась в ВКЛ. К середине XIV в., когда сформировалось «Литовско-Русское государство», во главе его стояли князья-язычники; в состав государства входили недавние древнерусские княжества, где господствующей была православная религия, ими управляли православные князья. Кроме того, с севера и запада ВКЛ теснил Тевтонский орден, оплот католицизма в Восточной Европе, а для борьбы с ним великие князья литовские часто были вынуждены объединяться с польскими католическими князьями. В XVI в. ВКЛ было государством, где наряду с католической и православной верой существовали различные формы христианства, ислам и др. С 1387 г. господствующей религией в ВКЛ, как и в Польше, было католичество. Государство поддерживало католиков, для правящего класса это выражалось в преимуществе

²Еремян В. В., Федоров М. В. История местного самоуправления в России (XII – начало XX в.): учеб. пособие. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1999. С. 73–78.

при занятии государственных должностей, законодательно закреплённом в Городельском привилее [18, с. 225–229].

Еще одно принципиальное отличие можно обнаружить в социальной сфере. Сословная структура правящего слоя Российского государства вплоть до XVIII в. не оформлялась юридически; более того, существует мнение о том, что Россия – одно из немногих европейских государств, которое такой структуры не имело [19, с. 8–9; 20, с. 12–13]. В то же время в ВКЛ XVI в. регулирование норм, разделяющих сословия, занимало большое место в Статутах³.

Формирование консолидированного правящего слоя единого Российского государства происходило корпоративным путем: когда о происхождении и службе семей, переходящих под начало московских великих князей из присоединенных соседних княжеств, все было известно, их положение на сословной иерархической лестнице было определено. Ни в России, ни в ВКЛ, ни в соседней Польше – странах, имевших близкие, восходящие еще к общинному строю традиции формирования феодального землевладения, а потом испытавших взаимовлияние юридических норм и традиций, – не было системы вассалитета, подобной иерархической лестнице, которая существовала в странах Европы. Общей для Российского государства и ВКЛ была неразработанность системы титулов внутри правящей элиты, что для западно-европейского региона являлось наследием ранних этапов формирования феодального землевладения. Военно-феодальные корпорации в России носили территориальный характер, так же как это закреплено в Статуте ВКЛ 1588 г. Но в отличие от ВКЛ в России они не имели права собираться на сеймы для решения своих дел. В основном в территориальные корпорации было объединено городское дворянство, не входившее в состав Государева двора, а служившее по месту, где находились их земельные владения. И запись в Дворовой тетради по месту службы велась для групп, не входивших в верхушку Государева двора (бояре, окольничие, потомки княжеских родов) [16, с. 90].

Важное отличие можно найти и в организации власти и управления в ВКЛ и Московском великом княжестве, заключающееся в конфессиональном составе высших органов власти. Так, в России среди лиц, занимавших места в Думе и составлявших верхушку правящего слоя, никогда не было духовных лиц, в то время как высшие католические иерархи непременно присутствовали на заседаниях Рады ВКЛ [21; 22].

Возвращаясь к особенностям социального развития, необходимо отметить, что на территории, подвластной московскому великому князю, не возникло крупных магнатских вотчин, не сложились условия для объединения массивов земель в руках одной семьи и службы этой семье феодалов из других сословных групп. С этим связано то обстоятельство, что

в российских источниках почти не заметна многоступенчатость феодального вассалитета. В то время когда в ВКЛ шел процесс юридического оформления сословных отношений, в Российском государстве развивалось местничество. Долгое время местнические счета будут определять назначения на военную службу, получение должностей, награждения, т. е. проникнут во все структуры общественной, политической жизни, а также в мировоззрение общества [23, с. 146]. Система местничества представляла собой простейшую начальную военно-феодальную форму, к которой Российское государство вынуждено было обратиться в условиях сложной внешнеполитической ситуации [24, с. 400]. Местничество сыграло определенную роль в консолидации военно-служилого сословия, но препятствовало выдвижению талантливых руководителей из незнатных семей [25]. В ВКЛ же с конца XV в. существовал принцип службы, согласно которому чиновник великокняжеской канцелярии, поднимаясь по служебной лестнице, мог достичь высокого положения в аппарате, реально участвовать в управлении государством и к тому же оставить потомкам доходное имение.

В ВКЛ и Российском государстве весьма явно обнаруживаются отличия в представлениях о власти верховного правителя – государя. В данном случае к числу причин возникших отличий следует отнести внешнее влияние: несомненно на характер власти московского государя оказало воздействие длительное тесное соприкосновение с Золотой Ордой, которая передала своей «завоеванной провинции» деспотический характер верховной власти. В то же время в ВКЛ в отдельных статьях Статутов закладывались идеи праведного суда как высшего предназначения христианского государя, тесно связанные с вопросом о пределах власти государя. В России, где не существовало законов, определявших отношения между государем и подданными, с конца XV в. все чаще поднимался вопрос о божественном происхождении власти. Принцип местничества, регулировавший отношения внутри правящего класса, не касался государя, который стоял над своими подданными, хотя и должен был «любить правду» [24, с. 144].

Рассматривая организацию управления в ВКЛ и Российском государстве в целом наиболее существенное отличие можно обнаружить в следующем: в России в силу ряда причин (прежде всего, внешнего военного давления) управление приобрело централизованный характер (многие конкретные вопросы местной жизни, не требовавшие вмешательства центральных органов, все равно решались в Москве). Такое положение увеличило значение не только центральных органов власти, но и их аппарата. В ВКЛ, наоборот, усилилась роль должностных лиц на местах: владея конкретными сведениями о наличии свободных земель, состоянии откупов, сборе налогов, они могли влиять на решения центральной власти,

³Здесь и далее имеются в виду Статут ВКЛ 1529 г., Статут ВКЛ 1566 г. и Статут ВКЛ 1588 г.

касающиеся пожалований отдельным семьям, и контролировать политические и экономические процессы в своем регионе [16, с. 96].

Итак, после монгольского нашествия 1237–1241 гг. пути развития отдельных регионов Древней Руси значительно разошлись, что нашло выражение в том числе в постепенной трансформации традиций организации власти и управления. Проявившиеся со временем отличия были обусловлены, помимо прочего, внешним воздействием, особенно явным для ВКЛ. В итоге в ВКЛ культура, духовный мир магнатов и шляхты, принявших католичество, значительно сблизились с рыцарской культурой, универсальной для правящих дворов стран Европы.

Совместная борьба с внешней опасностью (прежде всего, со стороны немецких рыцарей-крестоносцев) обусловила тесное сближение ВКЛ с Королевством Польским, что привело в итоге к созданию «государства ободух народов» – Речи Посполитой. Объединение двух государств было непростым и длительным процессом, начавшимся еще задолго до Люблинской унии 1569 г. Первый шаг в этом направлении был сделан уже во второй половине XIV в., и хотя Кревская уния 1385 г. не была в полной мере реализована, личная уния создавала благоприятные условия для заимствования традиций организации власти и управления соседнего государства. Шаги в данном направлении по мере приближения к Люблинской унии совершались вполне осознанно в целях унификации и в целом сближения порядков двух государств для облегчения последующего их объединения (реформа судебной системы и административно-территориального деления 1565–1566 гг.) [26, с. 459–460; 27, с. 54]. Известно, что на проведении реформ, направленных на унификацию польских и «литовских порядков», настаивал король и великий князь Сигизмунд Август, который был принципиально настроен на объединение ВКЛ и Королевства Польского [28, с. 45]. Приобретение высшим слоем населения ВКЛ – шляхтой, получившей монопольное право на владение земельной собственностью, – корпоративного самосознания проявилось в стремлении добиться таких же юридических прав и такой же роли в управлении государством, как у польской знати, которая уже владела «золотыми вольностями», закрепленными в Кошицком привилее 1374 г. [29]. Шляхта ВКЛ стала добиваться создания органов самоуправления и реализации сословного представительства, которые найдут воплощение в поветовых сеймиках, по образцу польских корпоративных органов [27, с. 296].

Исходя из высказанных выше соображений, следует выделить следующие пути и формы заимствования элементов, механизмов и традиций организации государственного управления ВКЛ из Королевства Польского:

1) прямой перенос явлений соседнего государства, закрепленный законодательно и вызванный необходимостью унификации органов управления,

административно-территориального устройства и иных институтов в связи с планами по объединению двух государств;

2) преобразование органов власти и управления по образцу органов соседнего государства, осуществленное по инициативе наиболее влиятельных слоев населения, которое нуждалось в представлении своих сословных или корпоративных интересов;

3) придание внешних форм и частичное преобразование по примеру иностранных образцов местных институтов, своими корнями уходящих в предшествующую эпоху (например, традиции городского самоуправления);

4) включение в управление государством готовых структур, принятых извне и встроженных в социальную и политическую структуру общества (католические епископства).

Рассмотренное выше значительное расхождение в механизмах, содержании и общем характере управления в ВКЛ и Московском великом княжестве (Российском государстве) не дает возможности обнаружить элементы заимствования из последнего. Первоначальное сходство в обозначении различных, в том числе и близких по функциональному назначению, органов управления на всей территории Восточной Европы объясняется сохранением древнерусского наследия. В то же время ВКЛ оказывается под сильным влиянием западноевропейской католической цивилизации. Непосредственный западный сосед – Королевство Польское для ВКЛ стал образцом для подражания и заимствования внешних образцов поведения, механизмов претворения в жизнь решений верховной власти, способов организации работы органов управления и т. д.

Многочисленные источники и, прежде всего, Статут ВКЛ 1566 г. свидетельствуют о том, что ко времени заключения Люблинской унии в ВКЛ в полной мере сложилось представительное учреждение, которое по своей компетенции, структуре и организации работы было подобным польскому сейму [30, с. 209–210]. В ВКЛ данное представительное учреждение также получило название «сейм». К числу компетенций сейма относилось и «вольное обранье» господаря, что превращало его в высший орган власти «Литовско-Русского государства». Для нас важно, что именно сейм ВКЛ, по мнению исследователей, выступает «наилучшим показателем тех успехов, которые сделало это государство во внутренней ассимиляции своей с Польшею до Люблинской унии» [31, с. 6]. В то же время нельзя исключать и того обстоятельства, что сейм «является наиболее общим итогом социально-политического развития Литовско-Русского государства в период его самостоятельного существования» [31, с. 6]. Наиболее явная черта, роднящая польский и «литовский» сеймы, заключалась в их, по сути, односословности. Присутствие на сеймах высших иерархов католической церкви и представителей мещан не меняло общей картины. Безусловным верховен-

ством и на сеймах, и в государстве в целом обладало шляхетское сословие, и только оно имело реальную власть в ВКЛ и Польше [30, с. 209].

Ключевое значение на пути становления сословного представительства в ВКЛ принадлежит утвержденным в Городло в 1413 г. актам, которые способствовали приближению шляхетского сословия ВКЛ по его правам и вольностям к польской знати. В целом Городельская уния включала четыре документа: 1) акт польской шляхты о приеме литовских бояр в гербовые братства; 2) ответный акт литовских бояр; 3) документ об условиях унии; 4) перечень привилегий литовцев (именно этот акт принято также называть Городельским привилеем). Текст привилея прямо свидетельствует об использовании в качестве образца для изменения статуса шляхты ВКЛ правового положения польской шляхты: «Также паны и шляхтичи, названные выше, своими отчинами (отцовскими именами) на равном праве владеют, как паны Королевства Польского своими обычно (как принято) владеют и пожалования наши, на которые имеют грамоты; от нас действующие и утвержденные крепостью вечной силы, подобным образом будут владеть и иметь свободную возможность их продавать, менять, отчуждать, дарить и в пользу свою обращать, однако, с нашего согласия, особенно для каждого случая данного, как для их отчуждения, обмена или дарения перед нами или нашими урядниками, по обычаям Королевства Польского, будет определено»⁴ [32, с. 65]. Традиционно в отечественной историографии основное внимание обращается на ограниченное распространение указанных привилегий только на католических землевладельцев: «Паны (и) также бояре-шляхта земель наших, названных выше, дарениями, привилегиями и пожалованиями, им нами дарованными, данными, уделенными, только католики и Римской церкви подвластные, и кому гербы пожалованы, наслаждаются, владеют и пользуются, как паны и шляхта Королевства Польского своими владеют и пользуются» [32, с. 65]. Современный исследователь С. В. Полехов показал, что данные ограничения не действовали в реальной практике и при Витовте, в том числе после 1413 г., ключевые должности занимали православные князья и бояре [33, с. 250–251].

В свое время М. К. Любавский выявил прямую связь между согласием такого «сильного и влиятельного класса великого княжества», как «высшее литовское боярство», на унию с соседним государством и наделением шляхты ВКЛ правами соответствующего «класса» Польши [31, с. 48]. Тем самым внешнеполитический фактор непосредственно воздействовал на внутреннюю ситуацию в ВКЛ. Здесь же следует обратить внимание на прямое заимствование реалий соседнего государства, которое в итоге сделало возможным формирование в ВКЛ сословно-

го представительства в форме поветовых сеймиков и вального сейма. Более того, институционализация сеймов была непосредственно связана с условиями Городельской унии, согласно которым в последующем дела, касающиеся общих интересов Польши и ВКЛ, должны были обсуждаться на совещаниях или сеймах панов и шляхты, объединенных посредством унии государств. Так, летом 1424 г. паны ВКЛ приняли участие в общем с польской знатью сейме в Серадзи, на котором обсуждались мероприятия против распространения «гуситской ереси» в Польше и ВКЛ. В 1425 г. в Берестье был проведен общий польско-литовский сейм, главным вопросом которого стал суд над мазовецким князем Земовитом [31, с. 55–56]. Важно, что благодаря этим и другим подобным общим собраниям происходила передача опыта организации и работы представительных учреждений. Своеобразная рецепция польской политической культуры нашла прямое продолжение в функционировании сеймов ВКЛ в условиях ослабления (в условиях личной унии с Польшей – фактического отсутствия) верховной власти.

Важнейшим результатом подписанных в Городло документов стало превращение шляхты ВКЛ из сословия, которое уже фактически пользовалось «властью, политическим влиянием и почетом», в сословие, представители которого получали на это право в силу своего рождения и принадлежности к той или иной фамилии. Это превращение произошло вследствие дарования ряду литовских боярских фамилий гербов и знаков отличий польской шляхты вместе с различными правами и вольностями [31, с. 48].

Необходимо учитывать еще один возможный путь переноса на практику государственного управления в ВКЛ западных образцов. Со времени правления Ягайло и Витовта в ВКЛ в управлении государством активную роль стали играть представители высшего католического духовенства – «князья бискупы». В это (как, впрочем, и последующее) время католические иерархи имели в Польше огромное влияние, в основе которого наряду с духовным авторитетом было наличие значительных земельных владений и, кроме того, налоговых льгот. Высшие иерархи католической церкви принимали активное участие в политической жизни страны, занимая ключевые позиции в королевском сенате [34, с. 20–22]. Вместе с крещением литовцев и созданием виленского епископства в 1387 г. новоназначенные католические епископы получили в ВКЛ положение, аналогичное положению польских высших иерархов. Так, в придаток к своим кафедрам виленский и трокский епископы обзавелись крупными земельными владениями, освобожденными от государственных податей и повинностей и обладающими судебным иммунитетом. Почетное место было отведено католическим епископам в совещательном органе

⁴Здесь и далее перевод наш. – С. Т.

при государе – Раде ВКЛ. Епископы уже на самом раннем этапе присутствия в великом княжестве сделались участниками правительственных актов. Весьма также показательно, что во всех известных случаях совместных заседаний польских и литовских представителей на общих сеймах литовские епископы занимали места между польскими «бискупами», так же как паны ВКЛ занимали места среди польских панов [31, с. 59]. Так естественным образом в ВКЛ из Королевства Польского была перенесена практика участия высшей духовной знати в управлении государством. Вместе с тем землевладение и государственная деятельность сблизили католическое духовенство с литовско-русскими (белорусскими) землевладельцами, которые в целом стали называться панам духовными и светскими.

Следующий значительный этап в оформлении сословных прав шляхетского сословия, а вместе с тем и в становлении сословно-представительных учреждений – сеймиков на местах и вального сейма как высшего государственного учреждения – связан с изданием Казимиром IV привилея 1447 г. Согласно данному акту государь отказывался в пользу военно-служилых землевладельцев от своих прав по отношению к населению их владений – от права суда и взимания судебных пошлин, от денежных и натуральных податей и отработочной повинности: «А теж вси, а каждый особне, селяни и подданные княжатам, рытерем, шляхтичам, бояром и местичом наших земель великого княства Литовского, от всего данья и заплаты, собранья вытягнення серебщицны и теж мер, который же дякла реченыи суть, от воженя камня, протесов бревен и дерева на жжения плит, а любо мелу на городы, сенокошения и иных несправедливых работ выпущены и будутъ вольны овшейки и выняты, выменуячи работы на будованье городов наших новых потребных, а старых поправленья; теж княжатам, рытерем, шляхтичем селян данных и подданных и через нас им дарованных а також выймающе»⁵ [35, с. 75–76]. По сути данные уступки привели к тому, что значительная часть населения государства вышла из непосредственной власти великого князя литовского и попала под власть землевладельцев. Таким образом, землевладельцы оказались по отношению к своим владениям такими же господами, как и сам великий князь по отношению к остальной части государства [31, с. 101]. Подобный феодальный иммунитет в еще большей степени укрепил положение шляхетского сословия и, что важно для данного исследования, уравнивал ситуацию в ВКЛ с ситуацией в Западной Европе и, в частности, в Польше.

Сложившийся к середине XV в. в ВКЛ общественно-политический строй создал благоприятные условия для дальнейшей институционализации сословного представительства. После издания привилея 1447 г.

литовский государь уже вынужден был для решения важнейших вопросов жизни государства учитывать мнение наиболее влиятельных землевладельцев, которое они могли высказать на представительном собрании – сейме. Особенно явно это проявлялось в случае необходимости срочного пополнения казны, прежде всего, для военных нужд (с конца XV в. постоянными сделались войны с Московским великим княжеством). Как отмечалось выше, с 1447 г. землевладельцы ВКЛ освобождались от выплаты «серебщицны» (серебщины). И уже в 1450 г. великий князь литовский Казимир IV вынужден был прибегнуть к экстренному обложению. И если первое время литовские господа могли вынести подобные решения единолично, то на протяжении второй половины XV в. обычной практикой стал созыв вального сейма, который утверждал подобные решения. Великий князь литовский по совету и с согласия панов-рады на вальных сеймах, на которые съезжалась военно-служилая знать, определял сбор серебщины «для великое земское потребы» со всех имений (господарских, духовных, княжеских, панских, боярских), с мест и волостей [15, с. 484]. Так, в марте 1507 г. великий князь литовский, находясь на сейме в Городне, «с панами-радою, духовными и светскими, и со всеми землями, для своей и земской великой нужды положил на всю отчину свою, великое княжество Литовское и даже на украинные города серебщицну в таком размере: от кождоу сохи воловое по пятнадцати грошей, а от коньское по польосма гроша, а от человека, которых сох не мает, от земли по шести грошей, а от огородника по три гроши» [36, с. 18]. Но наиболее важная проблема, перешедшая к компетенции сейма, заключалась в выборе и утверждении монарха, в чем также можно найти вполне определенные аналогии с соседней Польшей [30, с. 203].

В конце XV в. в полной мере завершилась институционализация другого высшего государственного органа ВКЛ – Рады, или панов-рады. В 1492 г. великий князь литовский Александр издал новый привилей «прелатам, князьям, панам, боярам и мещанам великого княжества», согласно которому обязался не решать без совета с панами-радой важнейших дел: не посылать послов в иные страны, не отнимать ни у кого должностей и владений, не раздавать в держание пограничных замков, не производить расходов из государственной казны, не судить судов⁶. В условиях частого отсутствия государя в великом княжестве именно Рада брала на себя функции постоянного правительственного органа, осуществляющего реальное управление и принимающего важнейшие решения, касающиеся внешней и внутренней политики государства. В целом Рада – это «отечественный» институт, который не был заимствован у соседей; несомненно, он своими истоками восходит к княжескому совету времен домонгольской (доли-

⁵Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

⁶Привилей 1492 г. // Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній : дапаможнік. Мінск : БелНДІДАС, 2015. С. 61–79.

товской) Руси [17, с. 66]. Новым явлением, роднившим совет при литовском государе с польским Сенатом, было включение в его состав высших духовных лиц.

Превосходным примером преобразования внутренних институтов по инициативе шляхетского сословия ВКЛ служит реформа судебной системы, осуществленная накануне утверждения Статута ВКЛ 1566 г. В стремлении создать выборные земские суды по образцу польских, юрисдикция которых распространялась бы не только на широкие слои мелко- и среднепоместной шляхты, но и на крупных землевладельцев – панов, обнаруживается борьба литовско-белорусско-украинской шляхты за привилегии, характерные для сословия феодалов западного соседа [37, с. 274; 38]. Учреждение земских судов затягивалось: в них не были заинтересованы великий князь литовский (в связи с ограничением его прав и уменьшением доходов) и крупные феодалы-паны (они будут вынуждены поступиться прерогативами наместничьей власти, доходами от суда и своим судебным иммунитетом); но катастрофическое положение ВКЛ, сложившиеся с началом Ливонской войны, вынудило их уступить. В связи с этим в 1564 г. на Бельском сейме паны-рада, старосты, державцы и другие должностные лица (урядники), прежде ведавшие судом, представ «обличне» перед государем, «по своей доброй воле» заявили литовскому государю, что они «милуючи речь посполитую, а в ней братью свою молодшую, народ шляхетский и рыцарский», отступаются и отрекаются от своей судебной власти, которой пользовались согласно Статуту ВКЛ 1529 г. [37, с. 274]. К этому времени уже был подготовлен текст нового Статута⁷, в котором раздел о судах был исправлен в соответствии с пожеланиями шляхты [37, с. 274].

В результате учреждения новых земских судов все категории феодалов («все станы сейма») ВКЛ – паны-рада, маршалки и другие высшие должностные лица, князья, паны и вся шляхта в целом (духовная и светская) поддавались «в одно ровное право», под один и тот же суд и подчинялись юрисдикции новых земских урядников, выбираемых для осуществления правосудия. Нововведения были окончательно утверждены на Виленском сейме 1565–1566 гг., на нем же великий князь литовский согласился на учреждение поветовых сеймиков по польскому образцу. До завершения заседаний сейма по настоянию представителей шляхты княжества литовский государь своим решением ввел в действие Статут ВКЛ 1566 г., в который были внесены наиболее важные земские привилегии [37, с. 275]. Реформа судебной системы стала частью крупных системных преобразований, которые затронули и военную, и политическую, и иные сферы функционирования государства. Так, учреждение земских судов по польскому образцу потребовало внесения изменений в административно-территориальное деление: вся территория ВКЛ была разделена на 15 судебных поветов. В границах этих поветов все местные землевладельцы, независимо от

размера их владений, происхождения и занимаемых должностей, были подчинены присуду земского суда. Вместе с тем прежние мелкие хоругви, в которых состояли местные бояре-шляхта, были объединены, так что все шляхтичи одного повета должны были составлять одну поветовую хоругвь [37, с. 275; 38].

Составной частью преобразований 1565–1566 гг., общий смысл которых сводился к унификации порядков ВКЛ и Польши, что должно было упростить их объединение, было создание поветовых сеймиков. И ранее местная шляхта при выборе представителей для участия на вальном сейме готовила петиции и инструкции. На Виленском сейме «станы» обратились к великому князю с просьбой иметь в новых судебных поветах «сеймы поветовые» по примеру Короны Польской «для лучшего и вечистого порадку в Речи Посполитой» [39, с. 18]. В результате 30 декабря 1565 г. был издан привилей, согласно которому в ВКЛ учреждались сеймики по новым судебным округам, в которых уже были созданы новые земские уряды. Соответствующая статья была внесена в новый Статут [37, с. 279].

Непосредственным заимствованием польских порядков стало распространение деления на воеводства на всю территорию государства. Было обращено внимание на то обстоятельство, что на польских сеймиках председательствовали сенаторы – воеводы и каштеляны. В связи с этим на Виленском сейме 1565–1566 гг. представители шляхты подали великому князю прошение о том, чтобы тот «для лучшего порядку» на сеймиках и «для оздобы и помноженья преложных станов в речи посполитой» увеличил число мест в Раде и учредил новые должности воевод и каштелянов [37, с. 281]. В итоге в полном соответствии с польскими порядками были созданы новые воеводские должности (в тех поветах или нескольких из них, где ранее не было воевод) [37, с. 281].

Таким образом, изменения геополитического положения ВКЛ, наряду с трансформациями, происходившими в социально-экономической сфере, обусловили заимствования политических институтов соседнего государства, что происходило различными путями: от прямого перенесения польских институтов, закрепляемого законодательно, до постепенного преобразования отдельных органов по образцу польских, осуществленное по инициативе шляхетского сословия. В период Нового времени ВКЛ, как и соседнее Российское государство, являлось в значительной степени преобразованным в сфере государственного управления, хотя некоторое время еще сохранялись древнерусская терминология для обозначения государственных должностей, податных обязательств населения, использование «русского» языка в делопроизводстве. В связи с воздействием соседних государств и меняющихся внутри- и внешнеполитических условий древнерусские традиции остались в прошлом, но тем не менее сыграли важную роль в становлении восточноевропейских государств Нового времени.

⁷Здесь и далее имеется в виду Статут ВКЛ 1566 г.

Библиографические ссылки

1. Темушев СН. Древнерусское наследие в развитии Северо-Восточной Руси, Новгородской земли и Великого княжества Литовского (на примере налогово-даннической системы). В: Коваленя АА, редактор. *Россия, Беларусь, Украина: история, современность, будущее. Сборник научных материалов*. Минск: Медисонт; 2014. с. 63–71.
2. Пашуто ВТ, Флоря БН, Хорошкевич АЛ. *Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства*. Москва: Наука; 1982. 264 с.
3. Щапов ЯН. *Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв.* Москва: Наука; 1972. 338 с.
4. Горский АА. *Русь. От славянского Расселения до Московского царства*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 392 с. EDN: RCJMVX.
5. Горский АА. Земли и волости. В: Горский АА, Кучкин ВА, Лукин ПВ, Стефанович ПС. *Древняя Русь. Очерки политического и социального строя*. Москва: Индрик; 2008. с. 9–32.
6. Грушевский АС. *Господарские уставы о доходах наместников-державцев*. Петроград: Сенатская типография; 1916. 35 с.
7. Доўнар-Запольскі МВ. *Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах*. Мінск: Беларуская навука; 2009. 758 с.
8. Макараў МД. *Ад пасада да мадэбургіі: прававое становішча насельніцтва месцаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст.* Мінск: Экаперспектыва; 2008. 248 с.
9. Гальперин Ч. Взаимоотношения Руси с Джучидским улусом. В: Миргалеев И, Хаутала Р, редакторы. *Золотая Орда в мировой истории*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани; 2016. с. 196–208.
10. Крадин НН. Монгольская империя и ее роль в мировой истории. В: Миргалеев И, Хаутала Р, редакторы. *Золотая Орда в мировой истории*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани; 2016. с. 58–71.
11. Кром ММ. *Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков*. Москва: Новое литературное обозрение; 2018. 246 с. EDN: WSJKGR.
12. Горский АА. *Русское Средневековье*. Москва: Астрель; 2010. 222 с. Совместно с издательством «Олимп».
13. Горский АА. *Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития*. Москва: Институт Российской истории РАН; 1996. 128 с. EDN: RCGVGR.
14. Веселовский СБ. *Исследования по истории класса служилых землевладельцев*. Москва: Наука; 1969. 583 с.
15. Любавский МК. *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута*. Москва: Университетская типография; 1892. 998 с.
16. Бычкова МЕ. *Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.* Москва: Институт Российской истории РАН; 1996. 175 с.
17. Малиновский И. *Рада Великого княжества Литовского с связи с Боярской думой древней России. Часть 2, Рада Великого княжества Литовского. Выпуск 1*. Томск: Паровая типолитография П. И. Макушина; 1904. 132 с.
18. Гудавичус Э. *История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Том 1*. Назарова ЕЛ, редактор; Ефремова ГИ, переводчик. Москва: Фонд имени И. Д. Сытина; 2005. 686 с. Совместно с издательством «Batrus».
19. Иванова НА, Желтова ВП. *Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века)*. Москва: Новый хронограф; 2010. 752 с.
20. Ключевский ВО. *История сословий в России. Курс, читанный в Московском университете в 1886 году*. Петроград: Литературно-издательский отдел Комиссариата народного просвещения; 1918. 276 с.
21. Леонтович ФИ. Рада великих князей литовских. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1907;9:122–178.
22. Леонтович ФИ. Рада великих князей литовских. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1907;10:273–331.
23. Ключевский ВО. *Сочинения. Том 2, Курс русской истории. Часть 2*. Москва: Мысль; 1987. 447 с.
24. Эскин ЮМ. *Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв.* Москва: Квадрига; 2009. 512 с. (Исторические исследования).
25. Кобрин ВБ. Из истории местничества XVI в. *Исторический архив*. 1960;1:214–220. EDN: EKRKQD.
26. Бохан Ю, Галенчанка Г, Голубеў В, Дзярновіч А, Доўнар А, Іванова Л і інш. *Гісторыя Беларусі. Том 2, Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага*. Мінск: Экоперспектыва; 2008. 688 с.
27. Лаппо ИИ. *Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-Русский совет и его сеймик*. Юрьев: К. Маттисен; 1911. 192 с.
28. Rachuba A. *Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763*. Warszawa: Sej-mowe; 2002. 375 s.
29. Ливанцев КЕ. Кошицкий привилей 1374 года. *Вестник Ленинградского университета. Серия экономики, философии и права*. 1966;23(4):128–133.
30. Бардах Ю, Леснодорский Б, Пиетрчак М. *История государства и права Польши*. Москва: Юридическая литература; 1980. 560 с.
31. Любавский МК. *Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства*. Москва: Университетская типография; 1900. 232 с.
32. Polska akademja umiejetnosci i towarzystwa naukowego warszawskiego. *Akta unji Polski z Litwa. 1385–1791*. Krakow: Polska akademja umiejetnosci i towarzystwa naukowego warszawskiego; 1932. 633 s.
33. Полехов СВ. *Городельская уния: взгляд через шесть столетий. Исторический вестник. Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв.* 2014;7:242–253.
34. Prochaski A. *Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiellonów*. Krakow: Akademia umiejętności; 1898. 184 s.
35. *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Том 1, 1340–1506*. Санкт-Петербург: Типография II Отделения собственной Е. В. П. канцелярии; 1846. 375, [51] с.
36. *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Том 2, 1506–1544*. Санкт-Петербург: Типография II Отделения собственной Е. В. П. канцелярии; 1848. 405, [39] с.
37. Любавский МК. *Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно*. Санкт-Петербург: Наука; 2004. 312 с.
38. Сагановіч ГМ. *Войска Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVII стст.* Мінск: Навука і тэхніка; 1994. 195 с.
39. Довнар-Запольский М. *Польско-литовские унии на сеймах до 1569 года*. Москва: Г. Лисснер и А. Гешель; 1897. 28 с.